

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

Валерий ДАШКЕВИЧ

ХОДИТЬ ПО ЛЕЗВИЮ ЛИСТА

Стихотворения

* * *

Ходить по лезвию листа...
И вновь, поля переступая,
ни слов не прятать, ни лица –
когда неявная, тупая
в них проступает...
Не дано
признанью, втиснутому в рамки,
звучать естественней, чем «но»
разбогатевшей иммигрантки...
Семь пятниц выносив во лбу,
дерзнуть на робкое движенье,
услышать – я тебя люблю...
И испугаться продолженья.

* * *

Словно с постоялого двора,
Съеду из гостиницы столичной.
Снова постоянная игра
С мыслью развлечёт меня привычно.

После перелётов и машин
Розвальней солома – мягче стога.
Сквозь подлесок в сумрачной тиши
Белая потянется дорога.

Мерный храп коня да снега хруп,
Да шальные взрывы куропаток...
Вдруг рукастый пень, как стылый труп,
Стужею пронзит меня до пяток

Да хлестнёт ропажник по лицу
Сладкою пощёчиной прощенья.
Всю изнанку выжжет подлецу
Глеющей трухою возвращенья...

Там, где фиолетовый закат
Осентяет сизые осины,

Белым локтем выгнется река,
Подо льдом копя до срока силы.

Санний след несётся под откос,
Как однажды рельсы уносились,
Под ворчанье возчика под нос –
Про блядей, безденежье и силос...

В мгlistом небе родины своей
Растворяясь дымом инородным,
По веленью фединых саней
Пролечу проулком огородным

В старый двор, как птица – под стреху,
Сквозь позёмки колкую пылищу.
Робкий пепел дней своих стряхну
Скромным воздаяньем пепелищу.

* * *

Где счастливая спичка
Изогнулась в золе,
Где кричит электричка,
Исчезая во мгле,
Где скрипит удивленно
Неожиданный снег
Под ногой почтальона –
Там меня больше нет.

Ну же, связывай нитку,
Дальше, парка, пряди!
...пригубить землянику
У тебя на груди...
Хмель сердечной отравы
Принимая всерьёз,
Ворошить разнотравье
Твоих пряных волос...

Где постукивать ставней
Только ветер придёт...
Где, богами оставлен,
Всяк себе нарядёт...
Где нежданная проседь
Твой висок убелит,
Больше строчек не носит
Почтальон-инвалид...

Лишь бессмысленной болью
Неуёмной строки
Остаются в мозолях
Узелки, узелки...

* * *

*Девочка плачет – шарик улетел...
Б. Окуджава*

И шарик воздушный, объят пустотой,
Несётся в полуденном свете.
И ты не окликнешь, не крикнешь – постой...
И бездна на крик не ответит.

И взор воспалённый летит в пустоте
К той девочке, скачущей в «классы»,
Что целую вечность стоит на черте,
Ловя ощущение баланса.

Неровно очерчен порог болевой,
Но замкнут жестоко и веско.
Полуденный мир за чертой меловой,
Черты невозвратного века...

И шарик из рук, ничего не сказав,
Вспорхнёт безрассудно и дерзко.
И горечь утраты зашиплет глаза,
Как запах горчичников детства.

* * *

Не бойся, я могу, хоть злой и умный,
Ответствовать приколом на прикол.
Я утром позабыл, что ночью умер,
И – на работу вовремя пришёл....

Я доказал, что истина – нагая
И чистая. Пускай хоть на полу...
Я всех окрест распятием пугаю
В твоём глубоком вражеском тылу.

Ну, что молчишь? И ты, моя отрада?
Давай потом считать мои года...
Ты говоришь, я конченный? Неправда!
Я первым не кончаю никогда...

Потом. Не здесь... Про небыли и были,
Про высший свет и вкусные харчи...
Не причитай, как все тебя любили.
Про то, как не любили, прошепчи.

* * *

И вновь, и вновь любовь рифмую с болью,
Ведь нас, безумцев, хлебом не корми...
И дразнит Бог последнею любовью,
И зреет сумасшествие в крови.

О, я сходить с ума имею навык –
Мучительно, надрывно, постепен...
...но сам сойду, подталкивать не надо
На шаткую последнюю ступень.

И стоя на последней, обречённой,
Над чёрным средоточием судьбы –
Я сам сосредоточенным и чёрным
Пребуду в муках внутренней борьбы.

И мне на миг привидится, приснится,
Что смерть неповторима и легка...
И надо мной карающей десницей
Господь на миг раздвинет облака.

И, видя изменения палитры,
Я потянусь к несбыточной мечте.
И обращусь не в робкие молитвы,
Но в жаркий шёпот, шёпот в темноте.

Покуда мига зыбкое богатство
Мерцает, как последний флажок...
Позволь не испугать, не испугаться,
Не отшатнуться и не пожалеть.

* * *

Ты будешь жить, привычные дела
вершить – ни в чём как будто ни бывало.
Рычать, когда супруга не дала.
Ворчать, когда судьба наподдавала.

Неуязвим ни ложью, ни мечтой,
забудешь все приметы и знаменья.
Ты будешь петь, как раньше – разве что
репертуар претерпит изменения.

Затеешь пить – не всласть и невпопад,
из местных дам кого-то облюбуеть...
А если не поймут и не простят,
ты будешь мил. Но сильно мил не будешь.

Когда ж пожнёшь за эту и за ту,
за все свои слова и недомолвки –
ночами станешь в эту мерзлоту
слетать, как чёрный дрозд к местам зимовки.

И все пройдет. Пройдут слова и люди.
Как отпуск. Как болячка на губе.
Никто тебя вовеки не полюбит,
как эта Ленка из седьмого «б».

* * *

За то, что я болен. А стало быть, надо лечиться.
За то, что вовек не случится, и грех – непочат...
Молчать, прижимать до уключного всхлипа в ключицах,
И даже в себе, где никто не услышит, молчать.

За то, что не жду индульгенций, как нищий католик.
За то, что нельзя, изменив, изменить ничего...
За то, что в груди поселился приبلудный котёнок,
И плачет ночами – а чем я утешу его...

За всю эту ночь, и за ту, за другую, за третью,
За эту усмешку – углом непослушного рта...
За то, что... когда б выбирали меж ложью и смертью,
То не было б жертв. И за то, что была красота.

За эти виденья, что вам никогда не приснятся,
За то, что пластинка дала неугаданный сбой, –
Я буду смеяться. Я буду сегодня смеяться.
Над гордым букетом,
Над вами,
Над пьяным собой.

Ода вымыслу

О, вымысел... Обманчиво тонка,
В любой тени таится паутина.

Вот в кружевах надменная рука
Плывёт, как шах под сенью палантина.
Но страшно прерывается строка
Сонета – хищной кляксой паука.

Пока интригой тешится толпа
(Ей всё одно – галёрка иль галера...)
Заметь, как предсказуема тропа
Поэта с появлением Кавалера.
Затмив былую славу бакенбард,
Гарцует к Натали кавалергард.

О, как мы непростительно глупы,
Когда, своим целуя музам ручки,
Не зрим, как подступают из толпы
На выстрел к нам красивые поручики...
Как царственным движением руки
Поэтских дам уводят мясники.

Мне выкрикнут и ложа и партер
Про душу в клетке тягостного быта,
К тому ж – недоказуем адюльтер...
Но разрешите (ибо прав Вольтер)
Мне прошептать – всё это было, было...
Скрипит перо, и с новой женой
Случается блондин очередной.

Мне возразят матёрые козлы
И жены их – матёрые овечки,
Покуда спят на бархате стволы
И, чёрен ликом, едет к Чёрной речке
Поэт. Туда, где, выкушав шартрез,
На птичках репетирует Дантес.

Я всё себе подробно объясню,
Я разложу всё выводы по полкам
И всякого ничтожную вину
Я вычислю, не веря кривотолкам.
Истрачу век, пытаясь разглядеть
Отметки на невидимом безмене,
Чтоб доказать рассудку, что нигде
И никогда, подвластная звезде,
Расклад Судьбы измена не изменит.

И лишь с одним смириться не могу,
За всех и вся фатальностью слепую
Увидев сквозь вселенскую пургу,
Как Пушкин умирает на снегу,
Над вымыслом облившийся слезою...

